

Научная статья / Article

УДК 930.85

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-2-117>

**Повседневная жизнь Коми пединститута
в годы Великой Отечественной войны**

Олег Васильевич Золотарев

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия

<https://orcid.org/0009-0003-3128-9353>, kimooopd@syktsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь студентов и преподавателей Коми пединститута в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 годы). Данный аспект истории старейшего в Республике Коми высшего учебного заведения практически не изучен в исторической литературе. Между тем материальные и бытовые условия оказывали значительное влияние на все стороны деятельности института. Особенно значимо было это воздействие в военные годы.

Следует помнить и о том, что в отечественной исторической науке в последние годы весьма отчетливо проявляется тенденция к ее антропологизации. Это выразилось в появлении нового направления — истории повседневности, что знаменует отход от определенных схем и клише к анализу конкретных процессов и ситуаций. Такой подход позволяет с совершенно новой точки зрения посмотреть на самые различные общественные процессы.

Конечно, сталинская модернизация 1930-х годов во многом унифицировала многие (как культурные, так и бытовые) стороны жизни общества, нивелировала разницу в повседневной жизни различных регионов страны. И все же жизнь провинциальной Республики Коми сохранила определенную специфику, вызванную как природно-историческими, так и этнодемографическими условиями. Анализ истории военной повседневности Коми автономии позволяет отразить разнообразие общеисторического опыта, дополнить общую картину новыми конкретными фактами и событиями. Важно учитывать, что изучение процессов повседневности позволяет в полной мере оценить те перемены, которые происходили в общественном развитии.

В представленной статье автор анализирует различные аспекты тыловой военной повседневности одного из провинциальных рос-

сийских высших учебных заведений. Рассмотрены, в частности, изменения, которые произошли в составе студенческого и преподавательского контингента, вызванные военным временем и уходом большинства мужчин на фронт. Особое внимание уделяется освещению трудовой деятельности студентов и сотрудников института: работе на лесозаготовках, лесосплаве, подсобном хозяйстве, помощи института колхозам.

Изучены вопросы, связанные с изменениями бытовых условий, обусловленных военными обстоятельствами: обострением жилищных проблем, продовольственными сложностями, общим падением жизненного уровня. Рассмотрены и проблемы, связанные с негативным воздействием ухудшившихся условий труда и быта на учебную и научную деятельность Коми пединститута в военные годы.

Статья основана на широком круге источников. В их числе делопроизводственные документы, материалы периодической печати, воспоминания преподавателей и студентов.

Ключевые слова: *повседневная жизнь, Коми пединститут, Великая Отечественная война, материальная база, трудовая деятельность, бытовые условия, продовольствие, студенчество, преподавательский состав*

Для цитирования: Золотарев О. В. Повседневная жизнь Коми пединститута в годы Великой Отечественной войны // Человек. Культура. Образование. 2026. № 2. С. 117–136. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-2-117>

The everyday life of the Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War

Oleg V. Zolotarev

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
<https://orcid.org/0009-0003-3128-9353>, kimoozd@syktsu.ru

Abstract. *The article examines the everyday life of students and teachers at the Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War (1941–1945).*

This aspect of the history of the oldest higher educational institution in the Komi Republic has not been extensively studied in historical literature. However, the material and living conditions had a significant impact on all aspects of the institute's activities. This impact was particularly significant during the war years.

It is also important to note that there has been a clear trend towards anthropologizing history in recent years. This resulted in the emergence of a new trend — the history of everyday life, which marks a departure from certain patterns and

cliches to the analysis of specific processes and situations. This approach allows us to look at a wide variety of social processes from a completely new perspective.

Of course, the Stalinist modernization of the 1930s largely unified many (both cultural and everyday) aspects of society's life. It has leveled out the differences in everyday life across different regions of the country. However, the life of the provincial Komi Republic retained certain specific features, which were influenced by both natural and historical conditions, as well as ethno-demographic factors. Analyzing the history of military everyday life in the Komi Autonomous Region allows us to reflect on the diversity of historical experiences and add new details and events to the overall picture.

It is important to note that studying the processes of everyday life provides a comprehensive understanding of the changes that occurred in social development. These circumstances have necessitated the exploration of this topic.

In this article, the author analyzes various aspects of the military daily life in one of Russia's provincial higher education institutions. In particular, the article examines the changes that occurred in the student and faculty composition due to the war and the departure of most men to the front.

Special attention is paid to the coverage of the labor activities of students and employees of the institute: work in logging, rafting, subsidiary farms, and assistance provided by the institute to collective farms.

The issues related to changes in living conditions caused by the military circumstances, such as worsening housing problems, food difficulties, and a general decline in living standards, are studied.

Attention is paid to the problems associated with the negative impact of the deteriorating working and living conditions on the educational and scientific activities of the Komi Pedagogical Institute during the war years.

The article is based on a wide range of sources. These include business documents, materials from periodicals, and memories of teachers and students.

Keywords: *everyday life, Komi Pedagogical Institute, The Great Patriotic War, material base, work, living condition, provisions, students, teaching staff*

For citation: Zolotarev O. V. The everyday life of the Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2026; 2: 117–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-2-117>

Введение. Созданный в 1932 году Коми пединститут к началу 1940-х годов стал уже вполне состоявшимся высшим учебным заведением. За эти годы институт дал региону свыше 400 специалистов с высшим образованием.

Тридцатые годы были временем становления первенца высшей школы в республике. Этот путь оказался непрост. Слож-

ности сопровождали процесс поиска новых форм преподавания, формирования педагогического и студенческого контингента. Велик был поначалу отсев учащихся, немалыми были лакуны в знаниях выпускников. Однако приходил опыт, а «детские болезни роста» уходили.

Динамичное становление молодого вуза прервала Великая Отечественная война, коренным образом изменившая жизнь советских людей.

Методы исследования, теоретическая база. В данной работе мы руководствовались принципами историзма и научной объективности. В качестве основных методов исследования данной темы, помимо традиционных для отечественной исторической науки сравнительно-исторического и хронологического методов, использовался культурно-исторический метод, а также статистический метод, с помощью которого посредством обработки количественных данных можно прийти к выводам, способствующим решению поставленных задач. Большое значение имеет и историко-системный подход, позволяющий рассматривать различные аспекты работы первенца высшего образования в Республике Коми как составную часть развития высшей школы Советского Союза.

Результаты исследования и их обсуждение. 1941 год изменил жизнь всего советского общества. Условия военного времени не могли не сказаться на функционировании образовательной системы, работе и жизни педагогов и учащихся. Практически все ресурсы страны были брошены на оборонительные нужды, ухудшившееся материальное положение населения негативным образом влияло на деятельность школ и вузов. Война прервала процесс развития советской образовательной системы.

Война и все трудности, с нею связанные, не могли не отразиться и на деятельности провинциального Коми педагогического института.

Новые обстоятельства потребовали коренной перестройки всех сторон учебной, научной и воспитательной работы вуза. С началом войны жизнь института приняла суровый, напряженный и более организованный характер. Требовалось как можно быстрее пополнить школы автономии педагогами, которые должны были заменить ушедших на фронт учителей. Был установлен порядок досрочной сдачи выпускниками текущих и го-

сударственных экзаменов. Уже в июне 1941 года все студенты-призывники невыпускных курсов стали в срочном порядке сдавать текущие экзамены и отправлялись на фронт. В результате военного призыва численность студентов уменьшилась более чем в два раза.

Руководство вуза, понимая, насколько школы республики нуждаются в учительских кадрах, предложила студентам досрочно приступить к педагогической деятельности. Работающие студенты переводились на заочное отделение. В целях сохранения студенческого контингента и помощи семьям фронтовиков в июле 1941 года СНК СССР было принято решение об освобождении от оплаты за обучение в вузах и техникумах детей рядового и младшего начальствующего состава, призванного в ряды Красной армии.

Однако, несмотря на все сложности, в пединституте не прекращалась учебная и научная деятельность преподавателей и студентов. Надо заметить, что главной трудностью военного времени первоначально были даже не материальные проблемы. Непросто было организовать учебный процесс из-за того, что буквально в первые недели войны на фронт ушли почти все преподаватели-мужчины. Резко сократилась и штатская численность преподавательского состава — почти на сорок единиц.

Несколько смягчило ситуацию с преподавательскими кадрами прибытие в Сыктывкар эвакуированного из Петрозаводска Карело-Финского университета.

Совместная учебная и трудовая деятельность способствовала достижению единства студенческого и педагогического коллективов, помогала решению главной задачи, которая стояла перед институтом, — подготовка учительских кадров для школ автономии.

Конечно, военная пора наложила отпечаток на все стороны вузовской жизни. И работники, и студенты университета и института жили непросто. Срок обучения был сокращен на год, поэтому продолжительность учебных занятий была увеличена и составила семь-восемь часов в день. Вступительные экзамены отменялись. Были ликвидированы и зимние каникулы, а летние — существенно сокращены, много каникулярного времени учащиеся проводили в подсобных и учебных хозяйствах вуза,

занимались ремонтом, заготовкой топлива, трудились на сельскохозяйственных работах. На лето институт пустел.

Особые проблемы испытывало в годы войны заочное обучение. Многие студенты-заочники в силу понятной занятости по месту основной работы на сессии не являлись.

Руководство вуза, стремясь обеспечить институт студенческим контингентом, было вынуждено вести интенсивную работу по обеспечению полноценного набора в институт. Хотя в военные годы в вуз принимали без экзаменов всех успешно окончивших школу по результатам собеседования, все равно постоянно был недобор абитуриентов. Студенчество военных лет состояло почти исключительно из девушек.

Пединститут стал частичкой военного организма страны и был вынужден жить по законам военного времени. Красноречив в этом плане приказ директора института (1943 год): «Установить следующий порядок учебных занятий для студентов и преподавателей: 7.00 — подъем, с 7 до 7.30 — самообслуживание, с 7.30 до 7.55 — завтрак, с 8.00 до 14.00 — занятия, с 14.00 до 16.00 — обед, с 16.00 до 18.00 — отдых, с 18.00 до 21.00 — самостоятельная работа, с 21.00 до 22.00 — ужин, с 22.00 до 23.00 — культурные развлечения, с 23.00 до 7.00 — самодеятельность, сон». [1, с. 21].

Вследствие занятости студенчества на общественных работах учебный год начинался не ранее 1 октября (а часто и гораздо позже). Летние каникулы студентов заменил оборонно-трудовой лагерь, преподаватели также работали без отпуска. Занятия нередко (особенно в 1942 и 1943 годах) приходилось проводить после работы, вечером.

Потребовалась и перестройка учебно-воспитательной работы: в учебные программы вносились определенные изменения. Серьезное внимание уделялось патриотическому воспитанию. Была развернута деятельность по организации курсов, на которых студенты и преподавательский состав, сотрудники вузов овладевали военными специальностями. Огромное внимание стало уделяться военно-физической подготовке.

Сложности военного времени не могли не сказаться на повседневной жизни студентов. Власти указывали на неудовлетворительные культурно-бытовые условия учебного процесса: в корпусах было холодно, плохим было освещение, не хватало

письменных принадлежностей. Многие студенты имели академические задолженности. Далеко не все смогли закончить обучение: в 1945 году из 94 выпускников педагогического и учительского институтов только 59 получили дипломы [2, с. 103]. Наверное, во многом это было результатом трудностей военного времени.

В целях поощрения отличной учебы продолжались выплачиваться персональные стипендии. Они составляли значительные суммы, приближенные к заработной плате: сталинская стипендия составляла 500 рублей, стипендия имени Куратова — 250–300 рублей, стипендия 8 Марта — 250 рублей, стипендия ВЛКСМ — 300 рублей [3, с. 40, 45]. Конечно, получали такие выплаты только самые достойные студенты, отличившиеся как в учебе, так и в общественной деятельности. Стипендия (как повышенная, так и обычная) в определенной степени решала некоторые материальные проблемы учащихся, по крайней мере ее хватало, чтобы купить продукты, выделяемые по карточкам.

Что касается преподавателей, то они имели сравнительно небольшую заработную плату: профессор — 2,3 тыс. рублей, доцент — 1,2 тыс. рублей, ассистент — 700 рублей.

И все же, несмотря на сложности, с которыми столкнулся вуз, пытаясь должным образом организовать учебный процесс, ему удалось решить основную поставленную задачу: пополнять школы автономии квалифицированными учительскими кадрами. За военные годы из стен педагогического и учительского (он действовал в составе пединститута) институтов вышли более 500 специалистов [4, с. 38].

Таким образом, благодаря усилиям преподавателей и студентов школы автономии пополнялись квалифицированными педагогами. Немалую роль в организации учебного процесса в институте и пополнении школ автономии квалифицированными кадрами сыграло сотрудничество с Карело-Финским университетом.

Важное место занимала в работе двух вузов посильная помощь фронту. Она выражалась не только в трудовых буднях — работе на сплаве, в колхозах, на заготовке дров и т. д. Студенты и преподаватели помогали семьям фронтовиков, сдавали кровь для раненых, становясь донорами. Оказывалась и непосредственная материальная помощь: пожертвования и денежные

взносы, подписка на государственные займы, сборы теплых вещей. Значительное место занимала и пропагандистская работа.

Благодаря общим усилиям удалось не только преодолеть немалые хозяйственные и бытовые проблемы военного времени, но и оказать посильную помощь республике и фронту.

Трудовая деятельность студентов и преподавателей института в годы войны.

Основой помощи фронту в пединституте была трудовая деятельность коллектива. Студенты и сотрудники активно привлекались к различного рода работам: на сплаве, лесозаводе, в колхозах. Чтобы подготовить студентов к сплавным работам, были организованы специальные курсы, на которых осваивались основы сплавного дела, работа на тракторах и т. п. В конце 1941 года было введено обязательное обучение студентов сельскохозяйственному производству (в объеме свыше 120 часов). Ради этого пришлось пожертвовать факультативными дисциплинами и увеличить недельную нагрузку учащихся.

Условия труда на сплаве были тяжелыми. Работали в две смены по одиннадцать часов с часовым перерывом на обед. Пересменка происходила в два часа ночи. Студенческая бригада разбивалась на звенья. Часть работала на сортировке, остальные — на сплотке. Осенью 1942 года свыше двухсот студентов трудились на сплавных работах на Максаковской запани и Слободском рейде (в районе Эжвы). Они сплотили свыше 150 тыс. кубометров древесины. Трехозерной запани, добившейся лучших результатов, в 1943 году было присуждено переходящее Красное знамя СНК Коми АССР и обкома ВКП(б). Особо отличившимся студентам были вручены подарки за ударный труд. Учащимся, которые трудились на сплаве, выдавалось дополнительное питание — двести грамм черного хлеба и булочки. Но это, конечно, не могло компенсировать тяжесть работ [4, с. 33–34].

Весной и летом 1945 года более трехсот студентов работали в Вычегодской сплавной конторе. Они очищали берег реки от леса в Корткеросском районе. Их труд позволил обеспечить бесперебойное снабжение лесом Трехозерной и Алешинской запаней.

Работа была нелегкой, особенно для девушек-горожанок, которые составляли большинство студентов. В первые дни студенты сильно уставали физически. Работа шла ежедневно, по 8–10 часов, а то и 12 часов в две смены (с 8 до 20 часов и с 20

часов до 8 утра). До места порой приходилось идти четыре километра. Трудились без каникул, преподаватели без отпусков. В первое время на сплавных работах студенты практически всех курсов проводили все летние месяцы, свободные от занятий — июль и август. Постепенно срок работ увеличивался: они порой начинались в середине июня и шли до конца сентября. Многие очень быстро осваивались на сплаве — через два-три дня уже работали «как заправские сплавщики», ведь необходимо было все делать «быстро и сноровисто», чуть зазеваешься и «в холодную воду окунешься». Бывшая студентка В. А. Попова говорит о тех годах: «Студенты военных лет не имели ни зимних, ни летних каникул. Мы освоили все виды сплавных работ... Трудные годы пережили и студенты и преподаватели». Действительно, рядом со студентами трудились и преподаватели: «По пояс, а то и по шею в воде они были всегда с нами», — вспоминают студенты. А. П. Попова (сталинский стипендиат в годы войны) свидетельствует: «Работа была трудная. Все время мы были в мокрой обуви и одежде. Не всегда мы возвращались в город, чаще жили в бараке, спали на соломе. Одежда часто не просыхала и во время отдыха. Спали на нарах. Но молодость брала свое. Несмотря на все трудности, невзгоды и недоедание, мы веселились, танцевали, подшучивали друг над другом» [5, с. 43; 6, с. 33; 7, с. 17].

Кормили, несмотря на тяжелую работу, не слишком сытно: «В столовой рейда... неизменное меню: суп грибной или крупяной... Вычегодская вода для нас была “гусиным маслом”». Выручал хлебный паек — 800 граммов. К концу войны стало сытнее, в меню столовой рейда теперь значился суп — жидкая уха из сушеной рыбы, на второе — каша из белой американской муки и чай. Да и рабочих кормили в столовой немногим лучше — гороховая каша, гороховый суп и чай. Дома питание было еще хуже, многим вспоминаются лепешки из хвоща и клевера, хлеб из осиновой коры — кач (опилки листовенного дерева с помощью воды, ступы и песта превращали в муку, из нее и пекли хлеб). На обеденном перерыве варили в котелке на костре горячее: щавель, купырь, другие съедобные травы, крошили в это варево пайковый хлеб. «И зараз все съедали». Хорошо, что здоровье не подводило. «Откуда только силы брались», — вспоминают студенты. Ведь и одеты были — «кто дома что нашел. И погода как бы подгоняла — холодная, с ветром», и спали в бараках, на на-

рах в два этажа по пять-шесть человек в сырой, не успевающей высохнуть одежде. От мытья холодной водой заводились вши [5, с. 43; 6, с. 33; 8, с. 566, 572, 576; 7, с. 25, 29].

Особенно тяжело было работать в августе и сентябре, так как резиновой обуви и теплой одежды ни у кого не было. Н. А. Огнева вспоминает: «Одеты были плохо. Помню, у меня были брезентовые туфли, сатиновые шаровары, шерстяная кофточка». В информации о проведении сплавных работ, данной в Сыктывкарский горком ВКП(б), отмечалось: «Студенты работали, не считаясь ни с чем, большинство работало босиком и в туфельках, но работали честно» [5, с. 43; 7, с. 17, 19, 25, 32–33, 53, 73–74; 9, с. 45, 52].

Уставали сильно. Р. Л. Попова припоминает, что когда (два раза в три месяца) студентов отпускали домой помыться, то они шли шестнадцать километров, «считая каждый километр и поворот дороги. Дорога... казалась бесконечной... когда доплеталась до дома, не могла ни помыться, ни поужинать. Прямо с ходу ложилась на голый пол и моментально засыпала... проспав 12 часов, просыпалась в воскресенье с ломотой во всех суставах, спине и шее» [9, с. 45].

«Было и холодно, и голодно, кусали комары, оводы, да и к работе... надо было привыкнуть», но «жили и работали дружно, друг на друга не обижались, слабым помогали сильные». Молодость брала свое и в выходные дни, несмотря на усталость, шли в город пешком более двадцати километров, чтобы попасть на танцы в парк имени Кирова, и там танцевали «до упаду». А вечером «усталые, но довольные проведенным отдыхом... пешком, частенько босиком, отправлялись до Слободы... С утра снова багор в руки» [7, с. 53; 5, с. 39].

Для лучшей организации дела на сплавных работах было организовано соцсоревнование. «Бригаде-победительнице после смены вручали сладкий пирог». Подведение итогов работы на сплаве проводилось на совместных конференциях, здесь же проходило премирование и награждение отличившихся. За работу на сплаве получали и заработную плату: 60–70 рублей в месяц. Премирование чаще всего носило материальный характер: давали одежду, обувь. Девушкам — отрезы на платье, пальто. Они были рады таким подаркам. Многие студенты за работу

на сплаве были награждены Почетной грамотой Верховного Совета Коми АССР.

Для координации работы студентов на сплав направлялись преподавательские бригады по 3–4 человека. Душой сплавных работ был секретарь парторганизации института Александр Степанович Сивков: «Высокий, сутулый, с неизменной доброжелательной улыбкой, он был всеобщим любимцем. Чуткий, сердечный Александр Степанович был не наставником, а другом». «Добрый, милый, хороший человек, заботился о нас, девчонках, как отец», — вспоминают студентки [7, с. 17, 53, 69, 89; 9, с. 53; 10].

Студенты и сотрудники были вынуждены отвлекаться и на другие работы. Трудились в колхозах, в подсобном хозяйстве института, организованном в 1942 году. Работы велись с семи утра до четырех часов вечера. Занятия при этом приходилось переносить на вечер: они проводились с 20 до 24 часов. Эта деятельность была крайне важна для организации питания самих студентов и преподавателей.

Зимой учащиеся и преподаватели были задействованы в заготовке и подвозке дров для института. Студенты пилили на метровые чурки бревна на складе и привозили их к пристани. Норма была — десять кубометров на каждого. Нередко приходилось вырубать изо льда вмерзшие бревна. Выезжали и в лес, там валили деревья, срубали сучья, распиливали и складывали дрова в поленницы. Студенты не только заготавливали топливо, но сами топили котельные и поддерживали тепло. Осенью, когда ходили пароходы, нередко приходилось трудиться ночами на выгрузке угля, овощей. Иногда шли на работу прямо с комсомольского собрания [6, с. 33].

Вот как выглядела подвозка дров к институту в воспоминаниях Л. И. Жигановой: «Мы каждый выходной день в зимнее время брали свои санки и шли пешком за город в местечко Сидор Полой по льду за дровами. На обратном пути, уже нагруженные, мы делали остановки, чтобы попить воды из проруби» [7, с. 43].

После летней сессии, в начале июля, каждый студент должен был отработать один-два дня в местечке Соколовка. Требовалось складывать в штабеля двухметровые поленья для сушки (распиленные вразброс зимой), чтобы в конце лета их могли отвезти в город. Они служили дровами для отопления пединститута. После отработки давали справку от проректора по АХЧ и

только с этой справкой можно было получить летнюю стипендию. По словам студентов, работа была не особо трудной, трудились даже с охотой.

Дровами в первую очередь обеспечивались семьи мобилизованных в армию, низкооплачиваемым сотрудникам института дрова отпускались по низким государственным ценам, для остальных — по себестоимости [7, с. 30].

Кроме того, сотрудники и студенты педагогического и учительского институтов в 1942 году построили при институте овощехранилище на пять тонн, расчистили девять гектаров леса под пашню, убрали урожай с площади в восемь гектаров, вывезли свыше 800 кубометров дров. В следующем году студентами было заготовлено для нужд института 4 тыс. кубометров дров [4, с. 34].

Работали студенты и на уборке картофеля (рабочий день длился с 8 утра до 19 часов вечера), раскорчевке лесных участков, строительстве аэродрома, первого в Сыктывкаре водопровода и т. п. Приходилось копать лопатами и засыпать глубокие траншеи, грузить трубы. Делали всё сами, так как машин не было.

Это был тяжелый труд, ведь основную часть студенчества составляли девушки. А объем был значительным. В одном из приказов по институту сказано: «В целях окончания работ по раскорчевке лесного участка приказываю каждому студенту выполнить норму 200 кв. метров на участке, отведенном факультету и курсу». Характерен для организации труда следующий приказ (1944 год): «Всем сотрудникам, преподавателям и студентам, освобожденным от сплава, работать на уборке картофеля. Рабочий день установить с 8 ч утра до 19 ч с перерывом на обед с 14 до 15 ч» [1, с. 21].

Часто проводились и субботники. Только осенью 1941 года в институте было организовано 14 субботников: 5 — общегородского масштаба, для института — 8, в колхозах — 1 [7, с. 29].

Военное время диктовало и жесткие военные порядки. Об их характере можно судить по следующему документу: «Вчера... при обходе общежития... замечено, что кочегар Ушакова В. П. во время работы расположилась спать на котле, печь была почти без дров... За нарушение трудовой дисциплины Ушакову отдать под суд» [1, с. 21]. Оправданны ли были столь суровые меры даже в условиях военного времени, судить не нам.

За военные годы только на сплаве трудилось свыше 1300 студентов института. Они выработали более 80 тыс. человеко-дней. За добросовестную работу в годы войны в 1945 году 172 студента и 34 преподавателя были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Студенты института И. В. Кононова и З. И. Попова были награждены орденами «Знак Почета». Военные трудности сплотили коллектив. Конечно, участие в различных трудовых десантах отвлекало студенчество от учебы, однако оно способствовало созданию особых отношений между студентами и преподавателями, студенческой дружбе: «В институте... в отношениях с преподавателями, в студенческой дружбе в эти годы была атмосфера особой сердечности, удивительной теплоты, сочувствия, готовности помочь друг другу», — отмечают студенты военных лет. Именно поэтому о военном времени студенты вспоминают с редкой ностальгией [5, с. 27; 7, с. 5, 29].

Руководство вуза старалось помогать студентам и сотрудникам. В одном из приказов ректора по институту говорилось: «За добросовестную работу и систематическое перевыполнение плана премирую т. Бань А. М. дополнительным обедом с 9.07. по 20.07. 1943 г.» Этот приказ довольно точно отражает атмосферу того непростого периода [1, с. 21–22].

Помимо общественного труда, немалую помощь оказывали сотрудники и студенты фронту и тылу и другими способами. Когда выяснилось, что для ремонта сельскохозяйственной техники в машинно-тракторных станциях не хватает соляной кислоты (без нее было невозможно выполнять паяльные работы), то на базе химической лаборатории института силами преподавателей и студентов была собрана установка для получения соляной кислоты из поваренной соли. Эта продукция пользовалась повышенным спросом, поэтому приходилось работать до позднего вечера, полученную кислоту моментально разбирали [7, с. 83; 11].

Активно велась и агитационная работа. Еженедельно проводили политинформации среди населения, собирали теплые вещи и подарки для фронта, оказывали помощь колхозам.

Быт студентов и сотрудников института в военные годы. Как было сказано ранее, значительную часть студенческого времени занимала не только учеба, но и трудовая деятельность. Су-

ровый отпечаток наложили военные годы и на бытовую сторону жизни учащихся и педагогов.

В сентябре 1941 года была введена светомаскировка: затемнены окна в комнатах общежитий, учебных корпусах и других помещениях института. Возможна, она и не особо была необходима в столь удаленном от фронта регионе, но придавала жизни грозный оттенок.

Конечно, и студенты, и работники института с начала войны почувствовали тяготы военного времени: холод, голод, увеличение нагрузки в учёбе и работе. Студентка Т. И. Жилина вспоминает: «Жить, учиться, работать в годы войны было очень трудно. Голодно, холодно, нечего надеть. В институт (туда и обратно 12 километров) я ходила пешком. В дни общеинститутских мероприятий... приходилось преодолевать это расстояние два раза в день. После лекций время студентов было занято военным всеобучем» [5, с. 35].

Осенью 1941 года была введена карточная система снабжения. Оно было скудным. По карточкам выдавали взрослым 500 грамм хлеба в день, детям — 200 грамм. Заработной платы выкупать продукты по карточкам вполне хватало — они были сравнительно дешевыми. А вот на рынке продовольствие было дорого — хлеб покупали по 100 рублей за буханку. Поэтому все, и преподаватели, и студенты, фактически голодали. Выручала институтская столовая. Благодаря подсобному хозяйству, институт смог обеспечивать столовую овощами и картофелем. Вот характерная картина военных лет: «После занятий изрядно изголодавшиеся студенты устремлялись в институтскую столовую. Месячные хлебные карточки... правдами и неправдами обычно были отоварены за 5–6 дней вперед. И все мчались в столовую как в спасительный оазис в пустыне... если бы не столовая, многие, может быть, не выдержали полуголодной жизни... в столовой каждого ждал сытный обед из трех блюд. Ничего, что в супе были только овощи да картошка и не просматривалось мясо. Зато суп был густой — хоть ложку ставь. Второе состояло из моркови, картофеля или свеклы, слегка сбрызнутых растительным маслом. Но порции-то какие!» Для студентов питание в столовой являлось «очень хорошей поддержкой» [7, с. 27; 5, с. 40].

Не лучше, кстати, обстояло дело и в городских столовых. Обычное меню военного времени: суп из квашеной капусты, за-

правленный только солью, жидкая желтая каша из кукурузной крупы. Хлеб надо было приносить свой. Так что блюда институтской столовой, приготовленные из овощей подсобного хозяйства, казались роскошью. Не лучше было положение и с промышленными товарами. Они очень быстро исчезли из продажи [7, с. 58].

Кому-то было достаточно еды из столовой, многим доставало и стипендии, чтобы выкупать продукты по карточкам, поскольку они были сравнительно дешёвыми. Многие студенты находили приработок — устраивались кочегарами в котельные, дворниками, посудомойками в столовые. Но на всех таких «хлебных» мест, конечно, не хватало.

Недоедали и преподаватели. Педагогический персонал помимо хлебного пайка дополнительно получал лишь порцию супа в столовой. Учащиеся вспоминают, как всемирно известный ученый профессор Д. В. Бубрих был вынужден собирать картофельные очистки, чтобы не умереть с голоду. Студентка военных лет Л. А. Терентьева пишет, что жили преподаватели впроголодь: «Как сейчас помню седую голову профессора Башкирова, преподававшего методику физики. На лекции он ходил с большим портфелем, в который собирал шампиньоны по пути на работу. От голода он дремал на лекциях. Мы его очень жалели и незаметно клали в портфель сухари, картошку, которую привозили студенты из деревень... его супруга умерла во время войны в Сыктывкаре от голода» [8, с. 572, 577].

Только через два года после войны, в 1947 году, когда карточная система была отменена, хлеба, как вспоминают студенты, стало вдоволь, жизнь постепенно стала налаживаться [9, с. 74].

Существенно облегчало положение с продовольствием и организация индивидуального огородничества. Силами месткома и профкома института преподаватели и сотрудники вуза обеспечивались земельными участками, семенами, тягловой силой, охраной урожая. Оказывалась помощь многосемейным, большим и престарелым работникам института. Площадь огородных участков составляла до 150 кв. метров на едока. Осуществлялся постоянный контроль за обеспечением удобрений, обработкой, посадкой и уходом за огородами. Было даже организовано соцсоревнование за высокий урожай [7, с. 105].

Не менее сложное положение, чем с продовольствием, складывалось и с обеспечением учебного корпуса и общежитий то-

пливом. Конечно, благодаря усилиям студентов удавалось заготовить немалое количество дров. Однако нередко древесину не удавалось вывезти с дальних делянок. Поэтому поддерживать приемлемую температуру в учебном корпусе было невозможно. И в помещениях института было холодно. В аудиториях нередко студенты сидели в пальто, шапках, замерзали чернила. На переменах спешили в столовую, чтобы согреться горячим чаем, а затем снова шли в холодные аудитории. Лабораторные занятия в зимний период проводить было невозможно: в кабинетах порой было так холодно, что замерзали химические растворы, стены были покрыты инеем. Многие студенты были вынуждены пропускать занятия (хотя большинство старались посещать лекции и семинары). Положение еще больше усугубилось аварией отопительной системы в части учебного корпуса зимой 1944–1945 года: трубы и радиаторы вышли из строя. Пришлось ограничиться одним крылом здания и ввести вечернюю смену. Часть занятий проводили в школах города. Холодно было и в общежитиях, даже натопленная комната быстро остывала — сквозило со всех сторон. Спать приходилось в одежде. Негде было даже постирать белье: в общежитии не работала прачечная [4, с. 34, 35; 7, с. 32, 37; 6, с. 33, 34, 36; 8, с. 564].

Непросто обстояло дело и с освещением. В городе работала только одна электростанция, обслуживающая нужды лесозавода. Она не обладала значительной мощностью, устаревшее оборудование часто выходило из строя. Население Сыктывкара и институт ощущали и острую нехватку электрических ламп: вуз получал едва ли не пятую часть потребных электрических ламп, да и то весьма невысокого качества. Нередко недостаточное освещение не позволяло проводить учебные занятия. Руководство вуза было вынуждено установить жесткий контроль за экономным расходом топлива и электроэнергии [7, с. 37].

Конечно, партийная и комсомольская организации, профсоюзные структуры института предпринимали все возможное, чтобы смягчить трудности, как-то облегчить положение студентов и сотрудников института: улучшить питание за счет поставок из подсобного хозяйства, обеспечить непрерывность и приемлемые условия учебного процесса, но не всегда это удавалось сделать.

Существенно затрудняла учебную деятельность и нехватка самого необходимого: оборудования, учебников, даже бумаги,

лекции записывали на газетных листах. Многие преподаватели и студенты были истощены, страдали от недоедания и недосыпания, ведь большинство учащихся жило на стипендию и скудный продовольственный паек. Непросто приходилось и педагогам: «Преподаватели, особенно эвакуированные, жили в трудных условиях, в общежитиях вместе со студентами, по 5–7 человек в комнате» [7, с. 32, 83; 6, с. 33, 34, 36].

Учащиеся военных лет были вынуждены совмещать учебную и трудовую деятельность. Они были лишены зимних и летних каникул, будучи заняты сплавной и сельскохозяйственной работой. Как отмечают в воспоминаниях студенты, «учиться в годы войны было очень трудно: холодные аудитории, отсутствие учебно-письменных принадлежностей, учебников» [7, с. 67]. Студентка пединститута В. А. Попова вспоминает: «На нашей жизни неизгладимой печатью легла война. Она была во всем: в холодных аудиториях института и в комнатах общежития, в нашей одежде, психологии, в студенческой столовой... И голод, и холод, и нищета до крайности, ни одеть, ни обувь нечего... Но жива была неодолимая жажда знаний, стремление постичь то, что называется культурой» [6, с. 36].

Некоторые студенты не выдерживали трудностей и покидали институт. Однако таких было немного. Большинство жило ожиданием победы, осознанием того, что их знания, труд нужны Родине.

Любопытно, что, несмотря на военные невзгоды, полуголодную жизнь, студенты говорят о полном отсутствии преступности. Одна из учащихся того времени свидетельствует: «Мы не боялись выходить вечером ни на улицу, ни в магазин, ни в театр. Не помню случая, чтобы кого-то ограбили или убили. Люди были добрые, трудолюбивые» [7, с. 33].

Л. П. Жиганова, восстанавливая в памяти военное время, особо отмечает, что, несмотря на все трудности, «никто никогда не жаловался на ту или иную хворь. Мы не имели понятия о болезнях. Работали без выходных дней, без отпусков... мы никогда не выражали свое недовольство никому. Мы были молоды... Мы недоедали, одевались очень скромно, были нетребовательны. Нам казалось, что иначе и быть не могло... Мы помогали фронту. Мы жили с надеждой, что вот кончится война, тогда заживем хорошо» [7, с. 43–44].

Эти надежды начали оправдываться, когда еще продолжались военные действия. Как только к концу войны стало немного легче, специальным приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР в феврале 1944 года было запрещено «проводить... мобилизацию студентов на какие бы то ни было работы», а также постановлялось «организовать отдых студентов» [7, с. 80, 90].

Теперь могла идти речь и об организации студенческого досуга. Для учащихся и сотрудников пединститута в январе 1944 года был открыт студенческий кинотеатр.

Главным, что способствовало преодолению всех невзгод военного времени, была сплоченность институтского коллектива. Отношения между преподавателями и студентами были самые доброжелательные. Педагоги «старались дать студентам прочные знания». О сотрудниках института военной поры у студентов остались «самые теплые воспоминания». А студенты, несмотря на ухудшение бытовых условий, старались учиться старательно, «на стипендию» [5, с. 35, 40].

Студенты подчеркивают: трудности «выдержали только благодаря нашим преподавателям», ведь «на факультете в отношениях с преподавателями, в студенческой дружбе в эти годы была атмосфера особой сердечности, удивительной теплоты, сочувствия, готовности помочь друг другу. <...> Мужественные, терпеливые, скромные девчонки были очаровательны. Они были прелестны своей молодостью. Все жили с ожиданием победы, надеждами своей судьбы» [7, с. 67, 77].

Заключение. Институт в военные годы, несмотря на тяготы сурового времени, выполнял свою основную задачу — подготовку дипломированных специалистов для школ республики. За четыре военных года из стен педагогического и учительского института вышло более пятисот учителей. Среди выпускников института военных лет много известных в республике людей: доктор сельскохозяйственных наук, директор Института биологии (в 1965–1985 годах) Коми филиала АН СССР И. В. Забоева, К. А. Гадельшин, долгие годы работавший в пединституте, в том числе и деканом историко-филологического факультета, заслуженный учитель РСФСР Н. А. Огнева, заслуженный деятель науки и техники Коми АССР Е. А. Меньшикова, заслуженный деятель науки Коми АССР Т. И. Жилина, доцент Коми педин-

ститута В. А. Попова, доцент пединститута, ветеран Великой Отечественной войны С. М. Кочев и многие другие.

Студенты и преподаватели Коми пединститута внесли свой вклад в Победу не только на фронте, но и своей ударной работой в тылу. Военный экзамен был с честью сдан.

Список источников

1. Силин В. И. История географо-биологического факультета Коми государственного педагогического института. Сыктывкар: Коми пединститут, 2003. 133 с.
2. Золотарев О. В. Коми учительство. Краткий очерк истории. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 184 с.
3. Летопись Коми государственного педагогического института (1932–2014) / гл. ред. О. А. Сотникова. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, 2019. 204 с.
4. Зильберг А. Я. Первый вуз Коми республики. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1972. 136 с.
5. Признание. Коми пединститут в воспоминаниях выпускников (филологов и историков). Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. 403 с.
6. Слово — памяти. Из воспоминаний ветеранов Коми пединститута / гл. ред. В. Н. Исаков. Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута, 2007. 321 с.
7. Коми пединститут в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сборник документов, материалов, воспоминаний / под ред. В. Н. Исакова. Сыктывкар: Изд-во Коми пединститута, 2005. 253 с.
8. На дорогах войны. Коми пединститут: вклад в Победу: сборник документов, материалов, воспоминаний / гл. ред. М. Д. Истиховская. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т им. Питирима Сорокина, 2015. 597 с.
9. Трудовые семестры студентов Коми пединститута: сборник документов, материалов, воспоминаний / гл. ред. О. А. Сотникова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. 415 с.
10. За Новый Север. 1944 год. 7 октября.
11. Красное Знамя. 2002 год. 21 февраля.

Referenses

1. Silin V. I. *Istoriya geografo-biologicheskogo fakul'teta Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [History of the Geographical and Biological Faculty of the Komi State Pedagogical Institute]. Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute Press, 2003. 133 p. (In Russ.)
2. Zolotarev O. V. *Komi uchitel'stvo. Kratkij ocherk istorii* [Komi teaching. A brief history]. Syktyvkar: FRC Komi SC UB RAS, 2015. 184 p. (In Russ.)

3. *Letopis' Komi gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta (1932–2014)* [Chronicle of the Komi State Pedagogical Institute (1932–2014)]. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, 2019. 204 p. (In Russ.)

4. Zil'berg A. Ya. *Pervii vuz Komi respubliki* [The first university of the Komi Republic]. Syktyvkar: Komi Book Publishing House, 1972. 136 p. (In Russ.)

5. *Priznanie. Komi pedinstitut v vospominaniyah vypusnikov (filologov i istorikov)* [Recognition. Komi Pedagogical Institute in Memoirs of Graduates (Philologists and Historians)]. Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute Press, 2012. 403 p. (In Russ.)

6. *Slovo — pamyati. Iz vospominanij veteranov Komi pedinstituta* [A Word to Remember. From the memories of veterans of the Komi Pedagogical Institute]. Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute Press, 2007. 321 p. (In Russ.)

7. *Komi pedinstitut v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. : sbornik dokumentov, materialov, vospominanij* [Komi Pedagogical Institute during the Great Patriotic War 1941–1945 : collection of Documents, Materials, Memoirs]. Syktyvkar: Komi State Pedagogical Institute Press, 2005. 253 p. (In Russ.)

8. *Na dorogah vojny. Komi pedinstitut: vklad v Pobedu : sbornik dokumentov, materialov, vospominanij* [On the roads of war. Komi Pedagogical Institute: contribution to the Victory : collection of documents, materials, memoirs]. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar state university, 2015. 597 p. (In Russ.)

9. *Trudovye semestry studentov Komi pedinstituta : sbornik dokumentov, materialov, vospominanij* [Work semesters of students of the Komi Pedagogical Institute : collection of documents, materials, memoirs]. Syktyvkar: Syktyvkar state university named after Pitirim Sorokin, 2017. 415 p. (In Russ.)

10. *Za Novyj Sever* [To the New North]. 1944. 4 oktyabrya [october]. (In Russ.)

11. *Krasnoe Znamya* [Red Banner]. 2002. 21 fevralya [february]. (In Russ.)

Сведения об авторе

Золотарев Олег Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55)

Information about the author

Oleg V. Zolotarev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 05.09.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.09.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 14.01.2026